

МУЗЫКА, ОБРАЗЫ, СТИЛЬ.
Ведущая — Капитолина ДЕЛОВАЯ.
Design — Максим ОРЕШИН.

Перед майскими праздниками западный лейбл Universal устроил вечеринку в узком кругу, представляя свой весьма амбициозный проект: певицу Линду в обновленной европейской версии, в обрамлении греческого продюсера-композитора Стефаноса Корколиса.

Знакомство с именитым европейским музыкантом пару месяцев назад вылилось для Линды в нечто непредсказуемое. Вероятное желание сделать несколько интересных аранжировок переплывало в очень серьезный творческий союз. И вот уже парочка беспрестанно летает туда-сюда по маршруту Москва—Афины—Москва: Линда пишется в навороченной студии Корколиса и снимается в клипах на берегу Эгейского моря; Стефанос закрывается в маленькой студии Линды на Новослободской, много курит, ищет свежий звук... Совместного материала на данный момент, как говорят, написано тьма. На презентации в модном клубе, впрочем, были представлены две песни — «Я украду» и «Меченая», куски масштабно-натурных видео на них (моря, горы, заброшенные замки), а также пред заинтересованными очами предстал сам Стефанос Корколис, высокий блондин за белым роялем. Маэстро, известный всему миру как пианист-виртуоз гораздо более, чем поп-рок-аранжировщик, кривясь от цвета инструмента, исполнил фортепианную пьесу (белый рояль — это пошло, считает грек; но черный «Беккер», специально выпущенный для этого выступления, мистическим образом сгорел ночью прямо в офисе клуба). После чего взоры вновь устремились на Линду.

Москва, июль 2006. ЗМАР-С.12

ВОРОНА

Греческий эпос певицы Линды

И БЕЛЫЙ РОЯЛЬ

— У тебя, судя по всему, начался кардинально новый этап жизни?

— Для меня не существует каких-то этапов: старый, новый... Для меня музыка — это не карьера. Это моя биография, моя жизнь. И мне всегда интересно искать какие-то новые формы, делать новую музыку. Наша встреча со Стефаносом — очень значимый момент. Поскольку это настоящий, истинный музыкант. Он меня зацепил своей глубокой сутью, масштабностью личности. Я очень горжусь нашей работой и тем, что он вообще нашел так много общего с нами. Достаточно один раз послушать его музыку и поговорить с ним, чтобы понять уровень этого человека. Нас познакомили Дэвид Джанк (экс-президент российского подразделения корпорации Universal, артисткой которой является Линда. — К.Д.). Он показал Стефаносу нашу работу «Агония», и возникло это желание — что-то сделать вместе.

— Стефанос, а тебе, видимо, как саундпродюсеру предлагали работу с российскими артистами вообще?

— Сначала менеджмент восточно-европейского отделения Universal предложил мне делать новые песни для «Тату». Но Дэвид Джанк стал уверять, что моя музыка, мои идеи гораздо больше подходят для творчества Линды. Я услышал то, что она делает, и увидел ее видео. Понял, что наши бэкграунды очень совпадают. Я не отношусь к музыке как к бизнесу. Я отношусь к музыке как к искусству. И хоть «Тату» — большой коммерчески успешный проект, Линда — большой артист. И мне интереснее работать с ней именно с точки зрения музыкальности.

— Что именно тебя зацепило, удивило?

— Клип «Агония». Очень сильный визуальный образ и качественное исполнение.

Музыку Линды я не назвал бы очень необычной, но она прогрессивна.

— Но что-то похожее на Линду есть, как тебе кажется, на западном рынке? Или ее англоязычное появление там потрясет воображение виды издавших зрительских масс?

— Каждый большой артист индивидуален. Линда — настоящий профессионал. И даже если бы я с ней не работал, мне было бы просто интересно иметь ее альбом в своей домашней фонотеке.

— Ну а вот Бьорк не напоминает Линду? У тебя, кажется, тоже были какие-то взаимодействия с ней?

— С ней у нас просто сложилась некоторая дружба, но пока без рабочих отношений. Бьорк — очень специфический человек. Сейчас вот она опять куда-то исчезла. Если вас интересует мой послужной список: я работал с Tears For Fears — мы делали инструментальный альбом; с одной из интереснейших французских артисток Ги Шплати сотрудничали... С Питером Гэбриэлем были очень любопытные студийные эксперименты, правда, это не вылилось ни в какой альбом.

— Линда, прослушивание двух новых песен оставило ощущение, что стилистика поменялась. Ушла жесткая, альтернативная подача поп-песен. Возникла просто поп-подача, безусловно, хорошо спродюсированная.

— Нет, так нельзя говорить. Песня «Украду» — действительно получилась очень нежной, остальные песни — другие. Впрочем, мы делаем то, что нам нравится. Не думая о том, кто и что в этом услышит.

— Есть мнение, что встреча со Стефаносом полностью освободила тебя от наследия Макса Фадеева, скажем так. От отголосков его альбомов. Одна

дверь наглухо закрылась, другая открылась.

— Я никогда не была материалом в руках другого человека. Только материалом моих родителей, которые воспитали и дали мне много возможностей и сформировали мой внутренний мир. Насчет Фадеева — в моей жизни был такой человек. С которым сдвинули очень неплохую историю для того времени. И я ее не забыла. Но это наша совместная история. И если во мне есть какие-то ее отголоски, то мои собственные, а ни в коем случае не его. Но никакого влияния Фадеева на меня никогда не было. Было абсолютное доверие.

— Стефанос, а ты слышал те альбомы Линды: «Песни Тибетских Лам», «Ворону»? Суперзвездные ее пластинки?

— Да, да. Очень прогрессивная музыка для того времени. Они вызвали у меня дополнительный интерес работать с Линдой.

— Говорят, ты хочешь теперь вообще обосноваться в России и развернуть здесь широкую контрагентскую и продюсерскую деятельность? Распугаешь тут наше шоу-бизнесовое болото...

— Нет уж... У меня есть, во-первых, моя собственная музыкальная карьера. И только если что-то особенно меня зацепит, я стану этим заниматься.

— В Москве планировался твой фортепианный концерт в зале им. Чайковского...

— Пока не подтверждено, но есть взаимное намерение сыграть совместный концерт с симфоническим оркестром под управлением Ростроповича. Приуроченный к столетию Шостаковича. Вся моя юность, учеба в парижской консерватории связаны с русскими композиторами. Прокофьев, Рахманинов, конечно же, Шостакович.

— А у тебя действительно русский прадедушка?

— Да, во мне целый коктейль... Итальянская кровь, греческая и немножко русской...

— Прадедушка, видимо, был удалой моряк...

— Нет, торговец. Продавал сахарный тростник и рис. Ввозил в Европу из Нового Света. А мама моя — праправнучка Вольтера.

— Богатенькая родословная. А как всемирно известный классический пианист уживается с поп-композитором в одном человеке?

— Я верю в то, что музыка едина. Ведь то, что считается сейчас классикой, в свое время — сто, двести, триста лет назад — было поп-музыкой. Акрополь когда-то был ультрамодным зданием. Надо по-другому смотреть на время.

— Знаешь, немало классических музыкантов пускается в эксперименты. С роком, допустим. Но чтобы вести две параллельные жизни...

— Отчего же, классические музыканты, симфонические композиторы пишут прекрасные саундтреки к фильмам. Музыка дарит человеку свободу: чем можешь, тем и занимайся. Я получаю удовольствие, реализуясь в классической музыке, в поп-музыке, в роке. Как вчера (на презентации): сначала прозвучала фортепианная пьеса, потом песни Линды...

ЛИНДА:

— У Стефаноса понимание классической музыки абсолютно свое. Он совершает над ней совершенно сумасшедшие эксперименты, которые трудно с чем-то сравнить. Он очень странный человек. С 4 лет на сцене, с 4 лет пишет музыку для больших симфонических оркестров.

— Ого! Стефанос, ты вундеркинд?

— Я не знаю. Мой папа взял меня в 4 года первый раз в кино. На «Шербурские зонтики» с прекрасной музыкой Мишеля Леграна. Когда пришли домой, я вскарабкался за рояль и заиграл ту мелодию, что слышал в фильме. На следующий день родители отвели меня в одну из самых престижных музыкальных школ в Греции. Но они никогда не давали мне и дали мне возможность расти самым обыкновенным ребенком, заниматься всем, что мне нравится. Я все детство гонял в футбол, в отличие от моих соучеников, которые сутками корпели над нотами. Потом я получил грант от французского правительства и уехал учиться в Париж, в консерваторию. Закончил ее в 14 лет, получил диплом пианиста, дирижера. Сыграл один из важнейших концертов моей жизни — с оркестром Владимира Горовича в Париже. А главный момент в мо-

ей поп-рок-карьере, когда на наш концерт «Порт» в Греции собралось 25 тысяч человек. Это так много для такой маленькой страны.

— Что такое «Порт»?

— Такой замысел: фортелиано превращается в лодку и заходит в разные порты мира. И концерт наполнен музыкой, характерной для этой части мира. Это мультиэтнический проект, с привлечением большого количества инструментов, большого количества музыкантов из разных стран. Пока было два представления — в Греции и на Кипре, в Лимассоле. Следующей будет, вероятно, Хайфа, Израиль. Это огромный интернациональный проект.

— Кстати, об интернациональном. Как вы общаетесь друг с другом в процессе записи? Линда, ты ведь английский еще не очень освоила?

— Не очень. Стефанос мне помогает. Как-то все понимаем.

— Стефанос, когда за сутки до презентации в клубе сгорел только что привезенный рояль, на котором ты должен был играть, многие любители мистики закачали головой: да-да, вокруг Линды аномальная аура... А как у тебя со всякими мистическими и загадками?

— Со мной случаются только всякие анекдоты. Как-то в Неаполе я должен был играть Второй концерт Рахманинова. Стояла страшная жара. А у меня же сильная близорукость. И я всегда ходил с толстыми линзами. А перед этим концертом мне сделали на заказ очень тонкие стекла из специального материала. И прямо посреди концерта они начали... таять от жары. Как кусочек льда растекаться. Я смотрю в очки без стекол и не вижу дирижера. Вот такая была хохма-мистика.

— Линда, а как вы все-таки пишете альбом? Часть песен — твои, часть Стефаноса или он только сооружает добротные аранжировки?

— Это, мне кажется, как-то не принципиально. Есть абсолютно совместное творчество, наш совместный продукт, и не важно, кто что написал.

Вот такой сплав строчек и звуков, вот такие теперь греческие цепи и кольца.

